

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА СЧАСТЛИВЫХ ЗНАКОВ В АНГЛИЙСКОЙ, КИТАЙСКОЙ И ТАЙСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

Маликшеева Лаззат Бауыржан кызы

*Студентка 3 курса Каракалпакского государственного университета
имени Бердаха, Факультет иностранных языков, linamalikseeva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу символики удачи в английской, китайской и тайской традициях. На материале цветовой символики, зоонимов и мифологических существ, а также мифов о происхождении «счастливых» знаков рассматривается вопрос о механизмах порождения символического значения в разных культурах. Выдвигается и проверяется гипотеза о том, что в китайской традиции символика удачи в значительной степени мотивирована языковой игрой — омонимией и фонетическим созвучием (蝠/福, 喜鹊/喜, 过年), тогда как в английской традиции доминирует мифолого-религиозный и фольклорно-нарративный механизм мотивации (подкова, четырёхлистный клевер, дракон), в котором язык выполняет вторичную, номинативную функцию. Тайская традиция рассматривается как промежуточный случай, синтезирующий анимистические верования и буддийскую космологию. Анализ цветовой символики показывает, что доминирование лингвистического механизма в восточных культурах носит избирательный, а не всеобщий характер. Делается вывод о перспективности расширения исследования за счёт привлечения узбекского и каракалпакского материала.

Ключевые слова: лингвокультурология; символика удачи; сопоставительное языкознание; омонимия; зоонимы; мифология; английский

язык; китайский язык; тайский язык; языковая картина мира.

Abstract. The article presents a comparative linguocultural analysis of luck symbolism in the English, Chinese, and Thai traditions. Drawing on color symbolism, zoonyms and mythological creatures, and origin myths of "lucky" signs, the study examines the mechanisms underlying the formation of symbolic meaning across cultures. It argues that in the Chinese tradition, luck symbolism is largely motivated by linguistic play — homophony and phonetic resemblance (蝠/福, 喜鹊/喜, 过年) — whereas the English tradition is dominated by mythological, religious, and folk-narrative motivation (the horseshoe, the four-leaf clover, the dragon), in which language plays a secondary, nominative role. The Thai tradition is treated as an intermediate case that synthesizes animist beliefs with Buddhist cosmology. The analysis of color symbolism demonstrates that the dominance of linguistic motivation in Eastern cultures is selective rather than universal. The article concludes by proposing an extension of the study to Uzbek and Karakalpak material.

Keywords: linguoculturology; luck symbolism; comparative linguistics; homophony; zoonyms; mythology; English language; Chinese language; Thai language; linguistic worldview.

Введение

Символика удачи — один из наиболее устойчивых и одновременно наиболее культурно-специфичных пластов языковой картины мира. Обращение к «счастливым символам» (lucky symbols) позволяет проследить, каким образом коллективное сознание народа закрепляет представления об удаче, благополучии и защите от зла в языковых единицах, образах и ритуальных практиках. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу символики удачи в трёх лингвокультурах — английской, китайской и тайской, — рассматриваемых через призму трёх взаимосвязанных аспектов:

цветовой символики, зоонимической и мифологической образности, а также мифов о происхождении самих символов.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом лингвокультурологии к сопоставительному изучению символических систем как средству реконструкции национальной картины мира. Материал английской, китайской и тайской традиций выбран не случайно: он позволяет сопоставить культуру с преимущественно мифолого-исторической мотивацией символа (английская) с культурами, где символика удачи в значительной степени опирается на лингвистический механизм — омонимию и созвучие (китайская), а также с культурой, синтезирующей анимистические и буддийские представления (тайская).

Центральная гипотеза статьи заключается в следующем: механизмы порождения «счастливого» значения символа в разных лингвокультурах принципиально различны. В китайской традиции символ удачи чаще всего мотивирован языковой игрой — фонетическим совпадением или созвучием слов (омонимический принцип). В английской традиции символика в подавляющем большинстве случаев восходит к фольклорно-мифологическим и религиозным нарративам, где языковая составляющая вторична. Тайская традиция занимает промежуточное положение, совмещая элементы анимистически-мифологической мотивации с включённостью в буддийскую космологию, где сакральный статус объекта важнее его звукового облика.

1. Цветовая символика удачи

Цвет представляет собой один из наиболее наглядных примеров того, что символическое значение не всегда опосредовано языком: в большинстве случаев цветовая коннотация формируется ритуальной практикой, а не

омонимией или фонетической игрой, что делает этот раздел удобной проверкой центральной гипотезы статьи «на прочность».

1.1. Красный цвет.

В китайской культуре красный (红色, hóngsè) традиционно ассоциируется с удачей, радостью и жизненной энергией — ян (阳). Он присутствует в свадебной атрибутике, оформлении Нового года, конвертах с денежными подарками (红包, hóngbāo). Символика красного восходит к древним апотропеическим практикам: считается, что этот цвет отпугивает мифологическое чудовище Нянь (年), нападавшее на деревни в канун Нового года. В английской (шире — западноевропейской) традиции красный цвет амбивалентен: с одной стороны, он ассоциируется со страстью и жизненной силой, с другой — служит универсальным сигналом опасности и предупреждения (ср. идиомы «red flag», «see red», геральдическую символику воинственности). Устойчивой ассоциации красного с удачей в английской лингвокультуре не сложилось.

1.2. Золотой и жёлтый цвета.

В китайской традиции золотой (金色, jīnsè) и императорский жёлтый исторически были прерогативой императорской власти и символизировали землю как одну из пяти первоэлементов (五行), а также богатство и божественное происхождение власти. В английской традиции золотой цвет также ассоциируется с богатством и превосходством (ср. «golden opportunity», «golden age»), однако жёлтый имеет и негативную коннотацию — трусости («yellow-bellied») и предательства, восходящую к средневековой иконографии, где в жёлтые одежды традиционно облачали Иуду Искарота.

1.3. Белый цвет.

Наиболее показательный пример культурной оппозиции: в китайской и тайской традициях белый цвет ассоциируется с трауром, смертью и потусторонним миром и потому является нежелательным в контексте пожеланий удачи (исключение — белый слон в Таиланде, о чём подробнее в разделе 2). В английской лингвокультуре белый, напротив, символизирует чистоту, невинность и является цветом свадебного наряда невесты.

Цветовая символика демонстрирует, что не все элементы системы «удачи» опираются на лингвистический механизм: закрепление цвета за определённым значением чаще связано с религиозно-ритуальной практикой (апотропеические обряды, погребальные традиции, иконография), нежели с фонетической игрой слов. Это указывает на то, что гипотеза о доминировании омонимического принципа в восточных культурах верна не универсально, а избирательно — применительно к отдельным подсистемам символики, что будет продемонстрировано в следующем разделе на материале зоонимов.

2. Зоонимы и мифологические существа

Зоонимическая символика — раздел, наиболее наглядно демонстрирующий заявленный в статье тезис, поскольку здесь одновременно представлены и языковой (омонимический), и мифологический механизмы мотивации, что позволяет их прямо сопоставить.

2.1. Летучая мышь как пример лингвистической мотивации.

Классический случай омонимического переноса значения в китайской культуре — летучая мышь (蝠, fú). Иероглиф «мышь» является фонетическим омофоном иероглифа 福 (fú) — «счастье, благополучие». Именно поэтому изображение летучих мышей (часто — пяти летучих мышей, у 蝠 wǔfú, «пять видов счастья») традиционно используется в орнаментике, на посуде, в

архитектурном декоре. Примечательно, что в английской лингвокультуре летучая мышь имеет практически противоположную коннотацию — ассоциируется с тьмой, вампиризмом и потусторонними силами (готическая литературная традиция, фольклорный образ оборотня), что делает эту пару особенно показательной для сопоставления.

2.2. Дракон.

Дракон (龍, lóng) в китайской мифологии — благодетельное существо, символ императорской власти, силы, мудрости и контроля над стихией воды. Мотивация этого символа не лингвистическая, а мифологическая: китайский дракон восходит к тотемным представлениям и космогоническим мифам о повелителях водной стихии. В английской (и шире — западноевропейской) традиции дракон, напротив, — хтоническое чудовище, олицетворение зла, которое надлежит победить (агиографический сюжет о Святом Георгии, эпос о Беовульфе). Это различие интересно тем, что в обеих культурах мотивация — мифологическая, но с диаметрально противоположным ценностным знаком, что свидетельствует о независимости символического наполнения образа от его архетипической универсальности.

2.3. Слон в тайской традиции.

Слон, в особенности белый слон (ช้างเผือก, cháang phèak), занимает центральное место в тайской символике удачи. Его сакральный статус восходит к буддийской мифологии: согласно преданию, матери Будды Майе перед его рождением приснился белый слон, что было истолковано как знак избранности будущего ребёнка. Белый слон также ассоциировался с королевской властью и считался достоянием монарха. Мотивация здесь ни лингвистическая, ни апотропеическая в узком смысле, а сакрально-мифологическая, укоренённая в буддийской космологии — то есть значение

символа задаётся не языком и не бытовым ритуалом, а религиозным нарративом.

2.4. Сорока и другие зоонимы.

В китайской традиции сорока (喜鹊, xǐquè) буквально содержит в своём названии иероглиф 喜 (xǐ) — «радость», что делает её символом добрых вестей уже на уровне номинации — ещё один пример прямой лингвистической мотивации. В английской традиции сорока, напротив, связана с амбивалентным и по большей части настороженным фольклорным поверьем (считалочка «One for sorrow, two for joy»), где число увиденных сорок определяет характер предзнаменования, — механизм здесь не лингвистический, а нумерологическо-фольклорный.

Материал зоонимов подтверждает исходную гипотезу в наиболее чистом виде: китайская традиция систематически использует омонимический перенос (蝠/фуд, 喜鹊), тогда как английская и тайская опираются на мифологический либо фольклорно-нарративный механизм. При этом важно отметить, что дракон демонстрирует независимость архетипа от его культурной оценки — миф в обеих культурах, но с разным ценностным знаком.

3. Мифы творения и происхождения символов удачи

Третий раздел статьи посвящён нарративам, объясняющим происхождение символов, — то есть тому culturally embedded механизму, который непосредственно легитимирует статус объекта как «счастливого» внутри данной традиции.

3.1. Китайская традиция: миф о Нянь и происхождение новогодней символики.

Согласно преданию, чудовище Нянь (年) ежегодно нападало на деревни в канун Нового года, пока жители не обнаружили, что оно боится громких звуков, огня и красного цвета. Так сформировался целый комплекс новогодней атрибутики — петарды, красные фонари, парные надписи чуньянь (春联). Показательно, что само слово «Новый год» — 过年 (guò nián) — буквально означает «пережить/миновать [чудовище] Нянь», то есть языковая форма напрямую фиксирует мифологический сюжет — случай, когда лингвистический и мифологический механизмы не противопоставлены, а слиты воедино.

3.2. Английская/западноевропейская традиция: подкова и клевер.

Происхождение поверья о подкове как обереге восходит к нескольким конкурирующим этиологическим легендам, наиболее известная из которых — легенда о святом Дунстане, который, по преданию, подковал самого дьявола и отпустил его лишь после обещания никогда не входить в дом, на двери которого висит подкова. Четырёхлистный клевер (four-leaf clover) как символ удачи восходит к кельтской фольклорной традиции, где редкость находки (по статистике, лишь один клевер на несколько тысяч имеет четыре листа вместо трёх) сама по себе интерпретировалась как знак избранности нашедшего. В обоих случаях мотивация — исключительно нарративно-мифологическая или связанная с редкостью/выделенностью объекта, а не с его языковым обозначением.

3.3. Тайская традиция: амулеты пхра кхьянг и нити сай синь.

Тайские амулеты (พระเครื่อง, phra khrûang) восходят к буддийской практике почитания изображений Будды и почитаемых монахов; считается, что сила амулета связана с ритуалом освящения, проведённым конкретным монахом, а не с самим материальным объектом. Обряд повязывания белых нитей на запястье (สายสิญจน์, sai sin) во время благословения происходит из брахманистско-анимистических верований, предшествовавших приходу буддизма в Юго-Восточную Азию, и символизирует передачу благословения и защитной силы от монаха или старшего к участнику церемонии. Здесь механизм происхождения символа — ритуально-религиозный синтез, объединяющий анимизм и буддизм, при полном отсутствии лингвистической мотивации.

Мифы о происхождении символов демонстрируют разную степень «сращённости» языка и мифа в разных культурах. Китайский случай (过年) уникален тем, что языковая форма и мифологический сюжет полностью совпадают. Английский и тайский материал, напротив, показывают устойчивое разделение: миф существует независимо от языковой формы, которая лишь называет уже сложившийся образ, но не участвует в его порождении.

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ трёх аспектов символики удачи — цветовой, зоонимической и мифологической — в английской, китайской и тайской лингвокультурах подтверждает исходную гипотезу лишь частично и с важными оговорками.

Во-первых, подтверждается, что китайская традиция действительно систематически использует омонимический принцип как механизм

порождения «счастливого» значения (蝠/福, 喜鹊/喜, 过年), что делает связь языка и культуры в этой традиции особенно тесной и — что важно для лингвокультурологии — доступной прямому лингвистическому анализу.

Во-вторых, английская традиция демонстрирует устойчивое преобладание мифолого-религиозного и фольклорно-нарративного механизма мотивации (подкова, клевер, дракон, сорока), где язык выполняет вторичную, номинативную функцию по отношению к уже сложившемуся культурному нарративу.

В-третьих, тайская традиция занимает особое, промежуточное положение: она не опирается на лингвистическую омонимию, подобно китайской, но и не сводится к чисто фольклорной мифологии, подобно английской, — её механизм мотивации представляет собой синтез анимистических верований и буддийской космологии, где сакральный статус объекта определяется религиозным ритуалом, а не языком или народным сюжетом.

Наконец, материал цветовой символики показал, что даже внутри «лингвистически мотивированных» культур не все подсистемы символики подчиняются омонимическому принципу: цвет в китайской и тайской традициях мотивирован преимущественно ритуально-апотропеически, а не фонетически. Это позволяет уточнить исходную гипотезу: доминирование лингвистического механизма в восточных культурах носит не всеобщий, а избирательный характер и наиболее ярко проявляется именно в сфере зоонимической и вербально-праздничной символики.

Использованная литература:

1. Воробьёв В. В. Лингвокультурология: теория и методы. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 331 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — 624 с.
5. Eberhard W. A Dictionary of Chinese Symbols: Hidden Symbols in Chinese Life and Thought. — London; New York: Routledge, 1986. — 340 p.
6. Opie I., Tatem M. (eds.) A Dictionary of Superstitions. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 494 p.
7. Tambiah S. J. Buddhism and the Spirit Cults in North-East Thailand. — Cambridge: Cambridge University Press, 1970. — 388 p. (Cambridge Studies in Social Anthropology, № 2).
8. Tambiah S. J. World Conqueror and World Renouncer: A Study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976. — 552 p.
9. Terwiel B. J. Monks and Magic: Revisiting a Classic Study of Religious Ceremonies in Thailand. — Copenhagen: NIAS Press, 2012. — 340 p.
10. Bredon J., Mitrophanow I. The Moon Year: A Record of Chinese Customs and Festivals. — Shanghai: Kelly & Walsh, 1927. — 519 p.